

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Ничего личного, кроме боли
С первого взгляда	Заговор обреченных
Второй подарок судьбы	Узнай меня
Зеленые глаза викинга	Заповедник потерянных душ
Тайна, приносящая смерть	Ангел мщения
Цвет мести – алый	Первый шаг к пропасти
Не доставайся никому!	Вкус запретного плода
Чужая жена – потемки	Исповедь обманутой жены
Возвращаться – плохая примета	Свидетельницы зла
Врачебная тайна	Королева отшельников
Призрак другой женщины	Игры небожителей
Тайну хранит звезда	Грех с ароматом полыни
Семь лепестков зла	Кукла-любовь
Свидание на небесах	Позови ее по имени
Ведьма отмщения	К северу от любви
Программа защиты любовниц	Пепел прошлого
Кинжал в постели	Без крестной феи
Гнев влюбленной женщины	Псевдоним украденной жизни
Лучший день в году	Цена откровения
Нирвана для чудовища	Конец игры с продолжением
Незнакомка с тысячью лиц	Шоу семейных секретов
Последнее прибежище негодяя	В интересах личного дела
Счастье с третьей попытки	Правда персонального формата
Подвенечный саван	Простить нельзя помиловать
Заклятие счастья	Лабиринт простых сложностей
Торговка счастьем	Теория вероятного чуда
Амур с оптической винтовкой	Забавы мертвых душ
Мечь Спящей красавицы	Преступные игры гения
Демон ревности	Тайна за семью печалями
Преступно счастливая	По следам старых грехов
Изменница поневоле	Золотое правило молчания
Закон сильной женщины	Дневники преступной памяти
Без вины преступница	Последний секрет на троих
Пленная птица счастья	Сто причин поверить

ГАЛИНА РОМАНОВА

В ЛЮБВИ БРОДА НЕТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 В любви брода нет : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210243-1

Кругом весна — пора любви, а Верочка одинока и несчастна. Ее бросил муж и женился на манекенщице. Мало того: он продолжает ревновать. И к кому? К неловкому и странному участковому Назарову! Но с ним ее, естественно, ничего, кроме дружбы, не связывает... А теперь супруг хочет отнять самое дорогое — единственного сына. И пока он на отдыхе, Вера решается продать свою квартиру и перестать быть зависимой. Но оказалось — риелторы, к которым обратилась Верочка, убийцы!.. Ну почему она оказалась так слепа, почему вовремя не почувствовала, что участковый влюблен в нее, а потому готов на все? Он наверняка помог бы. А теперь, наверное, уже поздно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г. В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210243-1

ГЛАВА I

Пожилая женщина тискала в руках дерматиновую сумочку цвета конского каштана и робко топталась у порога.

— Проходите, присаживайтесь. — Милая девушка, очень похожая на ее младшую внучку, выпорхнула из-за стола и выдвинула на середину комнаты стул. — Не стесняйтесь, прошу вас.

Женщина осторожно ступила на дорогое ковровое покрытие приемной, прошла и села на самый краешек стула.

— Скоро Инга Витальевна вернется с обеда, — пообещала ей секретарша все так же мягко. — Вы подпишете последние бумаги, и вам передадут деньги.

— Что, прямо сейчас?!

Было заметно, что женщина занервничала. Сумма в договоре значилась немалая, а у нее с собой даже сумки попрличнее нет, только вот эта, старенькая, с которой она обычно ходит за пенсией. Так пенсия-то всего две с половиной тысячи, а здесь — страшно даже выговорить — почти полмиллиона.

— Да. Сейчас, конечно. — Девушка, похожая на ее любимую малышку, забарабанила по компьютерным клавишам, по ходу приговаривая: — Наша контора всего с полгода работает, и мы очень доро-

жим своим престижем, действуем в интересах клиента. Поэтому никаких проволочек с бумагами и выплатами быть не должно. Так ведь?

И она посмотрела на старушку с трогательной непосредственностью.

— Да, наверное, — не стала расстраивать ее клиентка. — Боязно только как-то. Такая сумма. У нас вон на прошлой неделе у почтальонши пенсию инвалидскую отобрали. Прямо в подъезде у почтовых ящиков, пока она газеты по ящикам рассовывала. И деньги небольшие, а вот польстились...

— Ну, так то пенсия! — секретарша искусненно фыркнула. — Любому дураку, извините, известно, когда приходит почтальон. Запросто могли узнать и день, в который она носила пенсии. Тут любой подросток мог постараться, так ведь?

— Оно верно, — подтвердила женщина, удивившись, что ни разу не подумала об этом, а все удивлялась, как могли так запросто, среди бела дня и наверняка ограбить. — Сейчас преступник пошел изворотливый. Проследит за кем хочешь.

— Ну вот! — обрадованно подхватила девушка. — А вам-то опасаться нечего. Вы же никому не говорили, куда и зачем идете, или я ошибаюсь?

— Нет, что вы! Кому сейчас о таком можно говорить! Кругом зависть да сплетни. Так я и не знала, что деньги именно сегодня будут, как же я могла заранее говорить!

— Именно! — подхватила девушка и, потянувшись, щелкнула тумблером чайника. — Я вас сейчас чаем напою с печеньем. Хотите?

— Конечно, спасибо большое, — обрадовалась женщина и потянула с головы теплый шерстяной платок. — Я так разволновалась, что даже во рту

пересохло. Шутка ли, такие деньги. Как поеду на автобусе, ума ни приложу.

— Да зачем же на автобусе?! — изумленно воскликнула девушка, заваривая пакетик с чаем и кидая в чашку пару ложечек сахара. — Мы вам такси вызовем. А родственников у вас нет в городе? Я имею в виду таких, чтобы могли за вами на машине приехать и встретить. Подождали бы пока у нас, они бы и подъехали.

— Нет никого здесь, девочка. Никого! — Лицо пожилой женщины жалобно сморщилось. — Потому и спешу с продажей квартиры. Уехать хочу к сыну на Украину. Там внучка младшая должна вот-вот замуж выйти. Хочу молодой семье деньгами помочь. Глядишь, и пригреют старуху.

На край стола ей поставили поднос с чашкой чая и крохотным блюдцем с рассыпчатым печеньем в виде розочек. Женщина неловко пододвинула стул и, расстегнув тяжелое зимнее пальто, принялась макать печенье в чай. Угощение было вкусным, и, сильно стесняясь, она попросила добавки. Девушка весело расхохоталась, подлила ей еще кипятку, сунула в чашку очередной пакетик чая, всыпала сахару и добавила пару печений. Женщина продолжала угощаться. Через пять минут она обмахнула крошки с пальто, поправила на шее платок и, отодвинув от себя поднос, проговорила:

— Вкусно. Спасибо тебе, милая. Прямо и не знаю, что сказать. Хорошая ты девушка. Очень на младшую внучку мою похожа.

— Это на ту, которая замуж собралась? — девушка лукаво улыбнулась из-под низкой пушистой челки.

— На нее...

Она хотела добавить что-то еще, но тут дверь в

приемную распахнулась, и из темного коридора на дорожное ковровое покрытие приемной ступила высокая стройная женщина.

— Добрый день, — проговорила она и вежливо улыбнулась. — Заждались, Анна Степановна? Уж извините за задержку.

— Нет, нет, что вы! Какие могут быть извинения! — Анна Степановна улыбнулась владелице конторы. — Меня тут чаем потчевали, грех жаловаться.

— Ну что же, пройдемте. Поставим последнюю подпись. Дождемся клиента, он должен с минуты на минуту подъехать, и, как говорится, всего вам доброго...

Пожилая женщина поднялась и засемила следом за Ингой Витальевной. Они скрылись за дубовой дверью, и в приемной воцарилась тишина. Какое-то время, каких-то крохотных пять минут, секретарша прислушивалась к звукам, идущим из кабинета Инги. Потом услышала характерный тяжелый стук о пол и догадливо улыбнулась. Она сноровисто смела на поднос крошки со стола, оставленные Анной Степановной, и пошла в туалет вымыть посуду. В дверях столкнулась с Михалычем, здоровенным меланхоличным малым с рыбьими глазами. Ему было чуть больше тридцати, но в конторе все звали его почему-то Михалычем, то ли из уважения к его физической силе, то ли из-за глубоких морщин, избороздивших низкий лоб.

— Здорово, вертихвостка, — угрюмо поздоровался он с девушкой. — Я не опоздал? Клиент здесь?

— Ты вовремя, Михалыч. Инга Витальевна ждет тебя уже ровно как две минуты.

— Понял, — кивнул тот нечесаной головой, в

два прыжка преодолел пространство приемной и скрылся за дверью с табличкой «Директор».

Секретарша догадливо хмыкнула. Толкнула аккуратной попойкой дверь, выбралась с подносом в коридор. И нарочито медленно ступая, двинулась к женскому туалету. На лице ее блуждала довольная улыбка.

Самое позднее, к завтрашнему вечеру нужно ждать очень щедрых премиальных, а ведь это только начало...

ГЛАВА 2

— Пойдем домой... — проговорила потрясающе красивая Мирошниченко, глядя на ослепшего солдата, которого проникновенно сыграл Глузский. — Пойдем домой...

И столько вселенской скорби было в ее незамысловатых словах, столько тоски и надежды, что Верочка, не выдержав, разрыдалась в полный голос.

Господи! Ну почему?! Почему только в дни великой всеобщей беды человек начинает понимать, что такое истинное счастье! Необструганная ступенька под ногами, стены, пахнувшие свежеспеленной сосной, солнце, бьющее прямо в глаза сквозь незастекленные окна, и еще человек, который рядом. Мужчина, который достоин называться любимым...

Она в десятый раз, наверное, смотрела этот фильм и всякий раз не выдерживала и давилась слезами. Сегодня был особый случай, сегодня на нее навалилась хандра, и ее уже с раннего утра душили рыдания. Она встретила своего бывшего с его нынешней женой. И встретила совершенно случайно, совсем не ожидая увидеть их именно там, в аптеке.

Она как раз суетливо рылась в своей необъятной школьной сумке, пытаясь отыскать в ее недрах кошелек, когда над самым ухом раздалось:

— Салют, Вера!

Причем мерзавец умышленно сделал ударение на втором слоге, бездарно подражая Меладзе. А она... Она растерялась и еще более суетливо продолжила свои поиски. Она не собиралась ему отвечать на приветствие, которое сочла всего лишь строкой из песни. К тому же на его руку опиралась неподражаемая Она, чего же тешить публику и, краснея, лепетать что-нибудь в ответ. Нет, Верочка не приняла подачи, продолжая искать кошелек.

— Что собралась покупать, валерьянку? — Бывший, по всей видимости, пребывал в отличном настроении и не собирался упустить случай поглотиться над ней в очередной раз.

— Почему именно валерьянку? — Вера нашла наконец кошелек, стиснула его в потной ладонке и стояла теперь перед ними, чуть дыша.

— Так ты ее, как мартовская кошка, всегда глотала, — фыркнул бывший, приводя свою теперешнюю в состояние трепетного восторга. — Она же тебе от всех болезней помогала. Даже от насморка!

Это был удар ниже пояса, и Верочке сделалось нехорошо. Только что ей было безразлично, ну не совсем, ну почти... И то, что он с этой в обнимку. И то, что выглядят они оба не на одну тысячу долларов. И то, что счастливы и, кажется, даже любят друг друга. А вот стоило ему вспомнить про ее насморк, как на нее тут же накатило.

Он же сам ухаживал за ней, когда она простывала. И чай ей заваривал с липой и сушеной малиной. И бальзамом каким-то пахучим натирал ей виски и затылок. Потом укладывал в постель, наде-

вал ей на ноги шерстяные носки и баюкал, словно ребенка. И сам же тащил ей в спальню эти дурацкие копеечные таблетки, уговаривая принять, считая их панацеей ото всех бед. А теперь что?..

— Насморк не у меня, — проговорила Верочка как можно внятнее, боясь разреветься прямо здесь и сейчас и предстать перед ними — блистающими — эдакой хлюпающей носом развалюхой, тискающей в руках огромный саквояж. — А у твоего сына. Его зовут Данила, если ты забыл.

— Я не забыл, — бывший все еще продолжал улыбаться, но уже как-то неуверенно, словно по инерции.

— А вы что это здесь в такую рань? — Верочка обрела утраченную уверенность и плавным движением руки обвела тесноватый зал. — Вы — и в аптеке? Уж не за «Виагрой» ли пришли? Наверное, приспичило, раз в такое время поднялись.

И она пошла к окошку готовых лекарственных форм, проклиная себя за хамство.

Ну не хотела же! Видит бог, не хотела опускаться до примитивизма. Она же педагог! Ей нельзя быть склочной и мелочной и напоминать своему бывшему мужу о проблемах, которые у него временами возникали. Нет же, не удержалась, уколола. А, уколов, тут же пожалела. Успела заметить, как пошло его холеное лицо багровыми пятнами и как его теперешняя бросила на мужа затравленный, испуганный взгляд. Наверняка попала в десятку. Не нужно было. Совсем не нужно.

Верочка склонила голову к окошку, заученно улыбнулась и быстро проговорила:

— Ксилен, пожалуйста. Одну упаковку. И еще... — тут она быстро оглянулась, нашла взглядом бывшего с его теперешней женой, мающихся в отдалении,

и скороговоркой выпалила: — И валерьянку в таблетках. Четыре пластинки, пожалуйста.

Девушка приняла заказ. Отсчитала ей четыре пластинки таблеток, сунула в руки сдачу мелочью и подала капли. Верочка быстро все спрятала в сумку, ссыпала мелочь в карман плаща и скорыми шагами направилась к выходу. В сторону влюбленной парочки она больше не смотрела, искренне надеясь на то, что ее уход они оставят без внимания. Не оставили...

— Вера! — рявкнул Геральд Всеволодович (так именовался ее бывший супруг) на всю аптеку, заставив редких посетителей присесть от неожиданности. — Подожди!

Она, не реагируя, миновала стеклянные возвращающиеся двери, остановилась на каменных ступеньках и поискала глазами машину Геральда. Месяц назад он разъезжал на блестящей, как дельфин, и огромной, как танк, «Тойоте». Так, во всяком случае, ее называл Данила, провожая отца взглядом из окна. Что-то похожее Верочке удалось рассмотреть в самом дальнем углу парковочной площадки. Катаются, значит... Ну-ну...

— Ты что, не слышишь?! — пробубнил он ей в самое ухо, выскакивая на ступеньки следом за ней. — Мне поговорить с тобой нужно!

— Позвонил бы. — Она равнодушно пожала плечами и выразительно посмотрела на часы. — Учти, мне ко второму уроку...

— Дело трех минут, — постарался успокоить ее Герочка, интересно, а как его называет теперешняя жена... — Разговор о сыне.

— И? — Верочка мгновенно напряглась, почувствовав внезапную тревогу.

Данилка — это все, что осталось от их большого

и красивого чувства, которое они называли любовью на всю жизнь. Чувство Гера сначала задвинул в дальний ящик, потом препарировал его в течение пары месяцев и выбросил за ненадобностью. Выбросил, как давно отслужившую, пришедшую в негодность вещь. Поверить в разрыв Верочке стоило больших трудов. А когда пришло понимание, что все это и правда случилось и поделать ничего уже нельзя, она испугалась. Испугалась за Данилку, к которому отец не думал пока менять свое отношение. Ей делалось жутко от предположения, что все это лишь временно. Что пройдет какой-то срок, и Гера поступит с сыном так же, как поступил когда-то с ней. Потому и напрягалась всякий раз, когда ОНИ желали говорить о сыне.

— Скоро весенние каникулы, — начал издали Геральд.

— Через два дня, — уточнила Верочка, пугаясь еще сильнее.

— Ну да, через два. Так вот, мы с Никой хотели бы взять его с собой. — Тут ее бывший зашел сзади, опустившись на ступеньку и сделавшись с ней одного роста, умоляюще заглянул ей в глаза и обворожительно улыбнулся. — Мы на недельку решили слетать в Ниццу, вот я и подумал..

— Нет! — с чувством выдохнула Верочка и сделала попытку обойти его.

— Почему, черт возьми, нет?! Что за диктатура, твою мать!!! — Он схватил ее за локти, не давая тронуться с места.

Он взвивался мгновенно, ей было об этом известно. Прежде ему удавалось держать себя в рамках, в общественном месте всегда и иногда дома. Но времена, видимо, меняются, потому что ее бывший

начал орать на всю улицу, совсем не обращая внимания на то, что на них оборачиваются.

— Ты отвоевала себе право быть его матерью! Ты ограничила наши свидания до одного в месяц! Но есть же каникулы! На них твои ограничения не распространяются! — Гера расходилась все сильнее, продолжая тискать в ладонях Верочкины локти и время от времени встряхивая ее, как тряпичную куклу. — Я, в конце концов, могу подать на тебя в суд!

— Подавай, — легко согласилась Верочка и коварно ухмыльнулась.

Ей ли было не знать, сколько времени рассматривает наше судопроизводство дела, связанные с детьми. Тут вам и роно, и попечительский совет, и еще целая страсть инстанций, которые ему надлежало бы обезжать. А там обязательно кого-нибудь не окажется на месте, придется снова побегать и снова просить. Глядишь, и каникулы к тому времени закончатся. И в Ниццу ему придется лететь со своей длинноногой большеротой макакой, оставив сына на попечение матери. И Данилке не придется скрипеть зубами, когда за ужином или обедом та начнет вываливать на стол свои огромные сиськи и скалить направо и налево свой огромный пухлогубый рот. Как же он этого не может понять?!

— Ты все нарочно делаешь, да?! — с отчаянием прошептал Геральд, приблизив свое лицо почти вплотную к ее. — Ты мстишь за мое счастье?! Ты не можешь смириться с тем, что мне хорошо! Вот если бы мне было плохо, ты бы сдалась. Ты бы пожалела меня, как жалеешь всех сирых и убогих. Ты бы специально навязывала мне Данилу, чтобы мне не было хуже, чем есть. А так ты не можешь мне простить моего успеха...

Верочке хотелось выплюнуть ему в лицо то, что

в его успехе есть и ее заслуги, но она промолчала. Стекло двери тревожно заметались вокруг своей оси, и на ступеньки выпорхнула его новая жена.

Как же ее звали, дай бог памяти?.. Кажется, Ника. Да, точно Ника. Он только что ей напоминал об этом. Победительное имя — Ника. Наверное, красивое и таящее в себе глубокий смысл. У Верочки же оно ассоциировалось с икотой. С затяжной, выматывающей и надоедливой икотой. «Ни-иик-аа», — мысленно растянула она ее имя и совершенно неожиданно для себя и правда икнула. Геральд отпрянул от нее, как от прокаженной.

— Значит, нет?! — воскликнул он, отступая еще на одну ступеньку и делаясь ниже ее ростом.

— Га-арик, проблемы? — прокватила больше ротая маака, зацокав каблуками в их направлении. — Нам не доверяют Дана?!

От мерзкого коверкания имени сына у Верочки помутнело в глазах. Она медленно развернулась в сторону Ники. Смерила ее взглядом, способным заморозить ртуть, по достоинству оценив модную ныне стройность и рост. Машинально отметила дороговизну наряда и, четко выговаривая каждое слово, будто объясняла сложную тему трудному подростку, произнесла:

— Моего сына зовут Данила. Данила Геральдович Хитц. И никаких... Никаких именных интерпретаций я не потерплю. Во всяком случае, в моем присутствии!

И, высоко и гордо неся голову, Верочка двинула на автобусную остановку. Как же она была благодарна в тот момент своей учительской выучке! Нет лучшей школы жизни, чем наши средние общеобразовательные учреждения. Чего там только не насмотришься и не натерпишься. Ничего, выжила.

И даже научилась справляться и с гневом, и со слезами, и с обидой. Поднимет эдак голову повыше, веки приопустит и чуть тронет губы загадочной улыбкой. И аудитория тут же затихает. Ей даже прозвище дали весьма почетное — Сфинкс. Кое-кто пытался переименовать его в Кобру, но это не прижилось. Верочка осталась Сфинксом.

— Вера, подожди! — снова взревел Геральд на всю улицу и хотел было бежать за ней следом, но потом передумал и, подхватив под руку свою макаку, потащил ее к своей шикарной дорогой машине.

Все это Верочка видела в витринном отражении. Оборачиваться на них было выше ее сил. Да и против ее природы. Она самой себе бы не простила, если бы провожала их взглядом.

Она дошла до остановки. Влезла в подъехавший «пятнадцатый» автобус, который всегда оказывался переполненным независимо от времени суток. Втиснулась на заднюю площадку, ухватилась одной рукой за поручень и лишь тогда выпустила на волю душившую ее горечь. Высокомерное равнодушие, которое ей удалось сохранять в их присутствии, пластилиновой маской поползло с лица, опуская ее рот скобкой и наполняя глаза слезами.

Только бы не зареветь... Только бы не зареветь... Глаза безбожно размажутся, краситься в учительской будет некогда, время потеряно в дебатах с бывшим. А зайти в класс с поплывшими глазами, да еще если там будет этот ужасный Баловнев Алешка... Нет, нельзя превращаться из Сфинкса в развалину. Никак нельзя.

Верочка все же расплакалась. Тихонько так, беззвучно, почти не потревожив туши на ресницах. Тряслась на задней площадке автобуса и, проклиная сегодняшнюю встречу, плакала. Потом автобус

остановился в пяти метрах от входа в ее школу, и ей пришлось взять себя в руки. Она влетела в пустующий вестибюль, машинально ответила кивком на приветствие дежурной уборщицы и помчалась в учительскую.

Стол, который она делила с Ниной Александровной Серебряковой, учительницей начальных классов, был завален плакатами.

— Извини, Вер Иванна. — Физрук сграбастал огромными ручищами плакаты и поспешил переправить их в угол.

Плакаты разъехались в разные стороны и посыпались из его рук, словно гигантские сигары. Верочка тут же поспешила на помощь. Да так неудачно это у нее получилось, что, столкнувшись лбом с физруком, она отпрянула, оступилась и задела коленкой за стул. Колготки, как миленькие, тут же вцепились в одну из трех сотен щепок и живенько побежали двумя отвратительными стрелками.

— Ну что за день, ей-богу! — воскликнула Вера, убирая свой плащ в шкаф. — Сначала с бывшим пересеклась в аптеке. Теперь еще и колготки!

— Ладно тебе, Вер Иванна, переживать из-за такого добра, — весело фыркнул физрук, звучно шлепнув руку об руку. — Юбка у тебя длинная, сапоги тоже, коленок почти не видно.

— Почти! — фыркнула она, причесываясь около овального зеркала, которое уже кто-то успел заляпать. — У меня сейчас десятый «А»! А там у нас кто?

— Баловнев, — физрук догадливо чертыхнулся. — Вот появятся же такие выродки на свет, что с ними потом делать, одному богу известно. Ведь ни кнута, ни пряника не признает. И не боится никого, и не уважает. Ни отца, ни мать...

— Так матери у него вроде бы нет, — пробормотала удивленно Верочка, усаживаясь за свой стол и доставая из ящичка лак для ногтей, конфискованный у одной из модниц старших классов. Если поставить им крохотные капельки на колготках, то можно вовремя остановить резвые петли. — Он с отцом и старшим братом живет. Хотя я могу что-то и перепутать.

Дверь в учительскую распахнулась, тюлевая занавеска тут же вздулась на форточке огромным пузырем, а тетради на столах зашелестели взметнувшимися страницами.

— Это не ребенок! — тонкие ноздри пожилой математички, анемичной Софьи Павловны, затрепетали, словно крылья бабочки. — Это, пардон меня, просто урод какой-то!

— Вы про кого? — насторожился физрук, выкапывая из-под своего стола волейбольный мяч и поигрывая им ногой.

Софья Павловна подошла к тумбочке с чайником и опасливо коснулась его пузатого бока. Оглядела на свет тонкостенный стакан, плеснула туда воды и лишь тогда с печальным вздохом ответила:

— Про Баловнева, про кого же еще! — Софья Павловна осушила стакан в три глотка, со звоном опустила его на поднос, когда-то пестревший яркой хохломой, но со временем покрывшийся старческими пятнами ржавчины. — Самое поразительное в данной ситуации — это то, что изменить ничего невозможно. Он блестяще учится! Он всегда готов к уроку. Но какой же хам, бог мой!

— Что на этот раз?! — Верочка тут же напряглась: коли Баловнев в ударе с самого утра, то есть с первого урока, то дальше будет больше. Хорошего не жди, это все равно, что ждать дождя в пустыне.

Софья Павловна ответила не сразу. Какое-то время она постояла у окна, почесывая переносицу, была у нее такая привычка, которую Баловнев ей не спускал. Потом устало опустилась на продавленный диванчик — подарок шефов десятилетней давности, неприязненно покосилась на громадные кроссовки физрука с замызганными шнурками и выдохнула обиженно:

— Сегодня наш Алексей, блестяще осветив тему и не менее блестяще ответив на все дополнительные вопросы, вдруг спросил, не собираюсь ли я на пенсию. Я растерялась и говорю, что это к теме нашего урока не относится. Он снова с этим же вопросом и потом интересуется, не мучают ли меня угрызения совести. Я опять растерялась, ну и не выдержала, спросила, с чего это они меня должны мучить. И что, вы думаете, он мне ответил?

— Что? — одновременно выдохнули Верочка с физруком.

— Сотни выпускников педагогических вузов якобы вынуждены слоняться без работы и терять квалификацию, тогда как я уже десять лет на пенсии и продолжаю работать. Вот что ответил мне наш лучший ученик и дьявол в одном лице, товарищи! У меня, говорит, троюродная сестра работает гувернанткой у богатых людей только из-за того, что кому-то мало заработанной пенсии и скучно сидеть на заслуженном отдыхе... Хам!

Верочке стало жаль Софью Павловну. Та была одинока и к тому же несчастлива в своем одиночестве. Школа — это все, чем она жила. Хотя, с другой стороны, и сестру Баловнева тоже жаль. Если, конечно, та не предпочла нищенскую зарплату простой учительницы солидной зарплате комнатной гувернантки.

Что-то сегодня ей преподнесет Алеша? Какую новую каверзу из разряда вежливых вопросов на засыпку изобретет...

Она вошла в десятый «А», спустив юбку как можно ниже. Чтобы глазастый Баловнев, не дай бог, не увидел ее рваные колготки и не сморозил какую-нибудь гадкую шутку, Верочка сразу присела к столу и начала урок.

Все прошло почти без эксцессов, если не считать трех двоек и одного прогула. Верочка отпустила класс на перемену и с облегчением склонилась над журналом, когда над самым ее ухом раздалось вкрадчивое:

— Вера Ивановна, а у вас все в порядке?

Не было нужды оглядываться. Это, конечно, Баловнев. Странно, что он вообще дождался звонка, а не выступил прямо посреди урока. Во всяком случае, глаз он с нее не спускал, отслеживая каждое движение. Будто готовился к прыжку. Паразит, а не ребенок...

— Да, Алеша, все хорошо, спасибо, — пробормотала Верочка, поглубже задвигая коленки под стол и все так же не поднимая глаз от классного журнала.

— А почему вы плакали? Я же заметил, вы плакали, — укоризненно пробормотал Баловнев.

Еще бы он не заметил! А сколько сочувствия в его вопросе, сколько сострадания, боже правый! Не знай она его как облупленного, непременно купилась бы на его внимание и точно хлопнула бы носом. Но Алеша выдрессировал ее давно, класса, наверное, с пятого. Да, еще тогда она научилась держать руку на пульсе, когда имела дело с этим мальчиком.

— Соринка в глаз попала, — буркнула Верочка, переворачивая страницу.